

нах». Пришлось прервать заседание для совещания по фракциям.

На большевистском совещании я предложил подсчитать голоса и выяснить, что получится, если конференция исполнит требование Ц. К.: мне казалось, что у большевиков будет большинство в обеих частях конференции, и что можно было бы разойтись в разные компаты и потом объединиться вновь по свободному решению обеих частей собрания. Но кто то возразил, что, после разделения конференции, меньшевики возобновят атаку против спорных мандатов и, если не добьются большинства, то так или иначе сорвут конференцию. Решено было не уступать.

Возобновилось заседание. Большевики внесли мотивированную резолюцию о том, чтобы продолжать занятия конференции в неразделенном составе. Меньшевики отказались от участия в голосовании этой резолюции, и она была принята 42 голосами при 28 воздержавшихся. Тогда Дан потребовал слова для формального заявления и прочел постановление Ц. К., объявлявшее, что данная конференция не удовлетворяет установленным для такого рода собраний условиям и потому решения ее не носят обязательного характера для частей петербургской организации. Делегаты-меньшевики заявили, что они покидают заседание, и двинулись к дверям. Вслед им раздавались ругательства, насмешки:

— К кадетам уходите?

— Со своими-то товарищами рабочими соглашаться не хотите, а с буржуашии столкнетесь!

При общем волнении и шуме, Ленин сидел за председательским столиком, опершись подбородком на сложенные руки, улыбающийся, торжествующий. Он понимал, что уход меньшевиков означает открытый раскол организации, и сразу оценил положение: раскол произведен грубо, повод для него выбран неумело, мотивировать его убедитель-

ным для рабочих образом меньшевики не смогут. В завязавшейся борьбе все шансы были на стороне большевиков.

Теперь на конференции остались одни большевики. Но все же до возобновления официального заседания устроили частное фракционное совещание.

Рожков предложил подтвердить платформу меньшинства общепартийной конференцией:

— Чистые списки! Никаких соглашений!

Но Ленин неожиданно для всех заявил:

— А я, товарищи, еще час тому назад был за чистые списки, а теперь стою за соглашение с эсерами. И вот почему. Как вы думаете, куда это Дан отсюда пошел? К кадетам! К Милкову! Завтра они подпишут соглашение, эсеры и трудовики с ними соединятся, мы останемся одни, и с нами никто считаться больше не будет. Мы должны предупредить их: заключим соглашение с трудовиками и эсерами и поставим им условие — никаких переговоров ни с нашими раскольниками, ни с кадетами! Тогда получится: революционные партии, с одной стороны, меньшевики и кадеты — с другой. С меньшевизмом будет кончено.

Речь Ленина была встречена взрывом восторга. Открыли вновь заседание конференции. Ленин сделал пятиминутный доклад и, после кратких прений, было почти единогласно постановлено сообщить немедленно эсерам и трудовикам, что «Петербургский Комитет Р.С.-Д.Р.П. готов войти в соглашение с ними, под условием незаключения ими никаких соглашений с кадетами».

Я пытался отстоять включение в соглашение также и народных социалистов. Этот вопрос имел принципиальное значение: участие народных социалистов в «левом блоке» изменяло его облик, — вся комбинация теряла при этом